

*Димка, мама, Санечка! Папа.
Мое Лисичкино — это вы.
Катя, спасибо, что Видите Слова.*

— А знаешь, как это случится?

Однажды вечером — остроухий контур на фоне заходящего солнца — с вершины холма за тобой будет наблюдать лисица.

Чтобы полюбоваться закатом, ты повернешь голову...

Ирий (ирей, вырий, вырей; *др.-рус.* ирье) — в восточнославянской мифологии древнее название Рая; мифическая страна, путь в которую лежит через воду, в частности, через омут, водоворот. Считалось, что в Ирий попадают души людей, перенесших в жизни сильные душевные страдания. Мифический Ирий также тесно связан с мотивом зимовки там птиц, зверей и змей, живущих в полном согласии со всеми другими обитателями Рая. По народным преданиям, ключи от Ирия хранятся у кукушки, которая первая среди птиц отправляется туда зимовать.

ИЮЛЬ

ГЛАВА 1

Катя

Четвертый круг. Катя скользит по квартире. Утренняя траектория, отточенная до тошноты. Крышка унитаза, брызги зубной пасты на зеркале, липкие тарелки, скомканное покрывало, крошки и кофейная лужа на сером камне столешницы. Каждодневная лавина, которую непременно надо устранить, чтобы перейти в день. Поднять диванные подушки, раздвинуть шторы, вытащить скомканные носки, закрыть дверцу шкафа. Лавина, которую обязательно надо расчистить, чтобы завтра встретиться с нею вновь: неизменно ожидаемой.

...Ожидаемую неизменной.
Ожидаемую и неизменную.

Игра в слова безопасна, когда складываешь чистое белье. Мозг лишь бормочет наивные упражнения — ни на что не претендуя. Ты жонглируешь прилагательными и наречиями, чтобы раскрасить рутину домашних дел. Что тут такого? Все невинно. Тихо, скромно. Школярство. Никаких амбиций. И железное алиби при этом: приснопамятная лавина домохозяйства не оставляет времени на это всякое... такое. Не трусь. Присяжные вынесут оправдательный. Так что можешь смело заявлять набившимся в зальчик суда корреспондентам: была бы у меня хоть капля свободного времени... Муж, дочь, уборка, еда. Я даже компьютер включить не успеваю...

Скажи, Катенька, спасибо жирным пятнам на зеркале — верным защитникам твоей неведомой миру гениальности. И пройди по ним тряпочкой. Но — осторожно — не сотри полностью. Они должны поддержать тебя и завтра. Ненаписанное не прочитают. Непрочитанное не раскритикуют. Не раскритикованное имеет хороший потенциал самоутешения.

А так-то ты писатель.

Творческий человек.

Понять-простить. Многое позволено.

Ранимая душа, в общем.

Зажатая в тиски быта.

Фу, какие штампы. Тише-тише, девочка! Что ты? Не ругай себя! Мы же не повесть тут в уме сочиняем, чтобы на стиль яриться. Под флаконами духов, кстати, тоже надо намочить: пыль боится воды. Хозяюшка.

В эту пучину страшно заглядывать.

Сколько лет мы уже повторяем вот-вот? То есть, простите, захлебываемся делишками семьи? Не так. Думай, пожалуйста, осмысленно — идея материальна, знают все. Создаем домашний уют для счастливой семейной жизни. Так? Умничка. Умеешь составлять слова. Падежи не путаешь. Согласования соблюдаешь.

Не зря училась в лучшем вузе.

Сколько ставок тогда на тебя делали! Аплодисменты авансом. Банкет префактум. Талантливая крошка, профессор придерживает дверь кафедры, вежливость — кредо этих стен, далеко пойдет, а что ты сейчас пишешь, ожидание твоего успеха — в глазах мамы до последнего, надо соответствовать, просто не успела, все впереди, было бы время, напишешь гениальное, тогда все поймут, что ты ничтожество, в офис — никогда, ты же художник, свободный художник — выражение устойчивое.

Так сколько? Двенадцать?

Что-что? Мы не расслышали тут. Можно почетче? Не мямлите.

Двена-а-а-а-а-адцать? Двенадцать... лет? Мы просто уточняем. Для протокола, знаете ли. Не волнуйтесь вы так, подсудимая. Вас никто еще ни в чем не обвиняет. У нас

презумпция. Слышали такой термин? К тому же все ясней ясного. Гора дел больших и малых, подрастающая дочь. И не забудем, кстати, про успешный бизнес мужа. Мы понимаем: страховать чужой взлет — ответственность волнительная. Ботинки в шкафчик убери, пожалуйста. Да-да. Не отвлекайся, продолжай. И еще вот те, коричневые. Песок с пола можно влажной салфеткой собрать, чтобы швабру не мочить.

Скажи, Зайка-Золотая, Девочка-Отличница Всегда, Во всем и Повсеместно, а ты сама-то веришь, что книжку напишешь? Извини, конечно, что так вот резко — в лоб. Но мы же тут все свои? Просто, понимаешь, это же вроде только сесть и написать? Это же не бином длинноносового ученого вывести? С твоим-то талантом...

А можно еще совсем шепотом? На ушко? Несколько словечек всего?

Стиралка, посудомойка, уборщица.

Полуфабрикаты.

Продленка в школе.

Кать. Прикрытый-то набирается — не больше, чем часа на два в день? Да, хорошая моя?

Но мы никому не скажем. Честно-честно. Рот на замке. Граница под контролем. Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и...

Да и кофе пора пить. Кофе — награда жене, проводившей мужа на работу: законная пересменка между четвертым и пятым кругом. Секундное перемирие. С собой? Неважно. Помогает держаться — и ладно. Или ты еще хочешь обсудить, с чего тебе вдруг вообще понадобилось «держаться»? Повелительница штормов ты моя, утонувшая в штиль... Не хочешь обсуждать? Достаточно? Будь по-твоему.

Кипяток превращает коричневые песчинки в ароматный рай, и Катя почти сдается этой секунде, разрешая себе перестать думать.

Замереть в тишине — сладостно: застывший взгляд мумии, губы безвольно разжались. Расслабленная мимика недалекого ребенка. Призом будет спасительное падение в пустоту этого мгновения. Отдых для той, что не устала.

Звонок городского телефона так неожиданно пронзителен, что приходится признать — утренней пересменки не будет. Трель, без сомнения, разбудила Женьку, а значит, через пару минут на Катю обрушится поток скучной малопонятной болтовни, требующей включенности и эмпатии. Как, кстати, включается включенность? Что это за кнопка внутри кнопки? Найдете ее, не забудьте Кате рассказать, а то она последнее время слегка растеряна. Лет десять уже примерно.

Злясь на телефон, на дочь, которая наверняка проснулась, на ту, что так рано звонит на домашний номер (ясно же, кто это), Катя идет в коридор, снимает трубку, смотрит в зеркало напротив и говорит своему отражению отчетливо, не разжимая губ: «Как я тебя, Катюша, ненавижу!»

— Наталья Михайловна, доброе утро! Конечно, узнала. Нет, что вы, никого не разбудили. Да-да, вставать полезно с рассветом, конечно, помню. Мелатонин... Нет, Костя уже ушел на работу, вы его опять не застали. Да, он, как и всегда, ушел в восемь... Час назад. Да ничего страшного, я рада вас слышать. Да, он в полном порядке, все хорошо. Да, устает. Да, сейчас нервно. Внучка ваша? Женя в ванную зашла. Перезвонит попозже, я скажу. Да, и Косте передам. Там встреч много, может не снять. Спасибо. Да-да, спасибо, это важно. Спасибо, да. Да, записала. Запомню. Спасибо! И вам хорошего дня!

Спасибо. Спасибо-о-о-о-о. О-о-о-о-о-о. Пошире открыть рот, округлить губы, а самое главное — хорошенько их напрячь. Так, чтобы по всему краю собрались морщинки и проявилась белая окантовка. Посчитать про себя до сорока. Не спешить. Потом губы расслабить. Спокойно вдохнуть-выдохнуть. Кровь прильет к мышцам, наполнит их, разгладит, обеспечит вечную молодость. В тридцать пять не стоит пренебрегать гимнастикой для лица. Девочка больше не девочка: игра в догонялки уже началась.

В проеме двери появляется Женька. Уютно светится теплым румянцем сна. Русая копна спутанных и бесконечных. Еще на пару секунд мягкая, податливая: плаваются очертания, смешиваясь с пространством.

Еще несколько мгновений сонно молчит.

Еще два-три вдоха — не подросток.

Цепеня от любви (удар взрывной волны), Катя притягивает к себе дочь. Согревается ее детством, прощает за многое себя. Обе замирают, создав единственно естественное — одно целое.

— А папа что, уже уехал?

И на этом, пожалуй, все.

— Я есть хочу! Только не кашу! И не картошку! И не оладьи — они воняют.

То, что сегодня будет с Катей дальше, изведено до оскомина.

Встречайте! Она снова прискакала. На арене наша излюбленная зебра состояний. Але-оп! Раздражение! Але-оп! Чувство вины. Але-оп. Самообещание. Але...

— Я возьму айпад? Я только двадцать минут посмотрю! Ну пожалуйста! Мне папа разрешил!

...Их невыполнение. Але... Что там дальше по списку? Вина? Или раздражение? Ах, даже злость? Ладно, хватит, устала. Можно сворачивать слушание.

Мысль подсудимой в целом ясна. Распускаем присяжных заседателей.

Ну и любовь, конечно. Там точно есть любовь.

ГЛАВА 2

Битва Костей

Сегодня с машиной связываться опасно. От встречи с банкирами зависит слишком многое, чтобы на нее опоздать из-за трафика. Костя даже рад прогуляться быстрым шагом до остановки: необходимо развеять туман в голове. Уснуть ночью так и не получилось. Духота подружилась с нервами, создав непобедимый альянс. Теперь недосып вполне ощутимо стучит в висках, мешая сосредоточиться на надеждах. Усталость и сомнения оттесняют извечный ребячливый оптимизм хозяина.

Вдруг что-то их остановит во время подписания? Они же просто люди. Кажутся машинами по прогнозированию и реализации. Но — люди. Грипп, плохое настроение... Не понравятся Костины ботинки, расстроят курсы чужих акций... Любой мелочи достаточно, чтобы стильная в своей нарочитой простоте ручка так и не опустилась в правый нижний угол контракта. И тогда — все. Четыре года ежесуточного Костиного труда... Да нет, он, конечно, выкарабкается и в этом случае. Потребуется еще несколько лет активной работы... Или можно дернуться к альтернативным инвесторам... В конце концов, занять еще пару миллионов, чтобы продержаться на плаву свой бесшабашный коллектив. Только на все это надо будет снова найти немало сил и азарта.

А он устал.

Костя сердито встряхивается всем телом, как собака после дождя. К чему это внутреннее нытье? Сделка почти

заклучена — все сложные времена оставлены в прошлом. Да, он рисковал по полной. Пожалуй, слегка переборщил с долгами и кредитами. Набралась и вправду устрашающая сумма. А что, бывает по-другому? Назовите-ка мне любой успешный бизнес, запущенный с нуля, — я расскажу вам про ад его начала. Ну и про шампанское и риск. Слыхали?

Костя слегка оттягивает от шеи край рубашки. Странно, еще совсем рано. Не больше восьми. По идее, в такое время жара должна притворяться утренней прохладой, усыпляя бдительность горожан. А Костя уже весь промок от пота.

Умерить шаг.

Никто никуда не опаздывает. Общественный транспорт столицы давно не подводит налогоплательщиков.

Успокоить мысли. Успокоиться.

К обеду нас ждет триумф.

Будет чем порадовать жену.

Может быть, закатить пир — отпраздновать грандиозность сделки? Когда Костя в последний раз готовил рагу из кролика? А это, между прочим, его коронное блюдо.

Не бизнес. Не карьера.

Тушенный в травах зверек.

Вот что повергает в трепет его семью. Шедевр изобилия приправ да импровизации... Женька трескает двойные добавки, охает довольно и продолжает жадно поглядывать в сторону духовки.

А Катя стонет, как от оргазма. Прикрывает глаза и облизывает тонкие пропаренные косточки. Облизывает губы. Вытирает проступившую на лбу испарину. После с удовлетворенной и расслабленной улыбкой смотрит на Костю.

Только тогда и стонет.

Что у них с женой? Что — с Катей?

Кажется, они не занимались сексом уже полгода. Ну или занимались. Чем-то. Как-то.

Не то.

Катя уходит в свои мысли все дальше. Замыкается в извечном самобичевании и сомнениях. А Костя не находит времени вытащить ее оттуда.

Хвалить, поддерживать, восхищаться. Обещать успех, отметать страхи. Ругать врагов, показывать счастье. Его нежная хрупкая жена невероятно ранима, и порой заканчиваются силы бесценно оберегать ее порезы. Все чаще в голове оформляется фраза: хватит плакать, если ты чего-то очень хочешь, просто делай что-то для этого и не жди похвалы.

К сожалению, однажды эти слова произносятся вслух.

...В тот вечер в машине Катя замолчала так надолго, что Косте пришлось (против желания) повернуть к ней голову. Жена просто водила пальцем по запотевшему стеклу, не замечая, что след от тепла исчезает почти сразу. Она не плакала.

Она была...

Опустошена.

Наверное, глупо после пятнадцати лет совместной жизни любить свою жену столь сильно, тотально. Косте захотелось избить себя — такой отчаявшейся выглядела женщина, рисующая обреченные исчезнуть узоры на окне его автомобиля.

Катя просто сказала, очень тихо:

— Ты прав.

Косте надо присесть. От ходьбы сбилось дыхание. Это же надо умудриться запустить себя так, чтобы уставать после пятисот метров быстрого шага! А чего он хотел? По восемнадцать часов перед экраном компьютера, пиво с партнерами, сон — по три часа. Пирожные. Спортом тут у нас и не пахнет. Первое, что он сделает — после того, как потушит кролика, конечно, — запишется в какой-нибудь модный тренажерный зал. Очень в духе времени: спорт, ранние подъемы, правильное питание. В конце концов, все молодые миллионеры переходят на здоровый образ жизни.

Костя опускается на скамейку в тени автобусной остановки. С облегчением выдыхает. Его штанину обнюхивает невесть откуда взявшаяся псина. Блестит глазами, бешено виляет хвостом в ответ на улыбку. Костя обожает этих товарищей: никогда не унывают и не устают бесконечно любить тебя: единожды принимают за аксиому твою (на самом деле сомнительную) божественность. В детстве у Кости была такса. Каждое утро она встречала его пробуждение с восторгом страстного любовника, пережившего многолетнюю разлуку. Интересно, что думают собаки про наши ночи? В какие дали мы, по их мнению, уплываем, закрывая глаза?

Жаль, что Катя не разрешает купить Женьке щенка. Впрочем, дочка уже и не просит, боится расстроить маму.

Рядом с коричневыми лапами появляются тонкие изящные щиколотки, эффектно напряженные высоким каблуком. Вот и хозяйка подошла.

— С вами все в порядке? Какой-то вы бледный...

Костя поднимает взгляд, произвольно застревает вниманием на обтянутой шелковой майкой потрясающей женской груди: материя и не пытается скрыть возбужденную соблазнительность деталей. Что делает с нами лето! Девушки бессовестно раздеваются — то ли от жары, то ли в предвкушении счастья.

Мысли Кости сегодня скачут, как пластмассовые белые мячики по теннисному столу: проваливаясь в зеленое болото, выпрыгивая прямо в цепкую хватку белой сетки. И вот уже Костя думает про другую грудь, обрисованную платьем столь же яростно и бескомпромиссно. Месяц назад — на корпоративе — Юля-копирайтер прижалась к нему, отбрасывая возражения и насмехаясь над самой идеей супружеских клятв (мужчина создан быть необузданным и вольным, как лев в прерии, освободи в себе себя, милый).

И он поцеловал ее, наслаждаясь почти забытым вкусом слюны женщины, которая тебя хочет. Поцеловал по настоящему. Наказывая самого себя яростью этого акта.

И восхищаясь тем, как сильно, оказывается, он все еще может нравиться.

Кстати, он был абсолютно трезв.

А знаете, что заставило Костю тогда прервать поцелуй, навсегда убрав Юлечку из своих фантазий? Это, конечно, смешно, но все остановила неожиданно влетевшая в голову мысль: Катька не перенесет того, что Юля пишет хорошие тексты. Отрезвляюще, не правда ли?

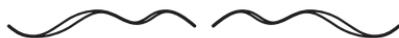
— Молодой человек! Ау? У вас точно все в порядке? Дженни, да отстань же ты! Видишь, устал?

Как странно закладывает уши. Костя зажмуривается, пытаясь вернуть четкость зрению.

— Со мной все в порядке. Не волнуйтесь.

ГЛАВА 3

... Женской

Женька рывком подтягивает к себе книгу. Движение осознанно размашистое, чтобы в разные стороны рассыпалось побольше предметов. В идеале — разбить что-нибудь. С грохотом или звоном.

Оторвавшийся угол страницы — конечно, перебор. Женя испуганно таращится на испорченную библиотечную ценность. Невольно с опаской оглядывается. Если мама на что и среагирует искренне, так это на «неуважение к труду творца». Правда, это будут не совсем те эмоции, о которых Женя мечтает. Хотя... Любая эмоция — это эмоция. Реакция на то, что имеет значение. Того, кто имеет... Проявление жизни. Вот только чьей жизни: ее или маминой?

Нет, серьезно. Иногда Женьке кажется, что ее собственное тело уменьшается в размере, теряет плотность, вес. Выпаривается из реальности этого мира.

Дымок.

Прозрачная девочка-призрак: хоть предметы сквозь нее разглядывай. Можно считать даже забавным — как спецнавык супергероя. Но это происходит только рядом с мамой.

Какое уж тут «только».

Бывает-то всякое. Мама не слышит.

Или не слушает. Женька трясет и пихает ее, чтобы проявиться. Не смотрит. Не спрашивает. Не видит. Отводит рукой в сторону — как ветку березы, преградившую путь. Хмурится, словно от чужого резкого звука. Повторяет за

Женей невпопад, силясь поддержать беседу. Опускает глаза в телефон, скользит по мерцающему экрану взглядом.

Не слышит.

— Мам, ты меня не слушаешь совсем!

Ах да, это уже говорилось.

В такие минуты где-то внутри Женькиного живота (возможно, чуть выше и левее) просыпается дракон. Разъяренно взлетает вверх по горлу, стучится в висках, заполняет все тело, дрожит в пальцах рук.

Становится самой Женькой.

И мама получает по полной.

Хотели взрослого человека? Наслаждайтесь. Держите, переходный в десять. Заказывали? В полной красе и динамике! С некоторым опережением графика, зато от всей драконьей души. Развлекайтесь! Кричите! Можете даже швырнуть в стену что-нибудь тяжелое. Ваши болевые точки давно нащупаны — мы не промахнемся. Ругайтесь. Впадайте в отчаяние. Наказывайте.

Ты только не уходи больше в себя. А то... как неживая. И, мам, мне страшно.

— Ты слышишь? Мам, ты меня вообще слушаешь?

А еще можно набрать пряников и конфет из жестяной банки, задвинутой в верхний угловой шкаф. Приставленный к плите стул легко решает проблему труднодоступности вредных лакомств. Набитый живот прозрачным уже не назовешь. Да и дракоша стихает, осоловевший от ударной дозы сладкого: тут уж не до войн за эмоции.

Бабушка-гомеопат была бы в ужасе. Либо, что скорее, назвала бы это липкое обжорство симптомом, встроив живую Женьку в классификацию своих пациентов. А Женька — это Женька.

Не симптом.

Не — как это бабушка говорит? — не... конституциональный тип.

Не переходный возраст.

И...

Не дракон.

С папой Женька совсем другая. Ни о какой бестелесности тут речи не идет. Они оба живчики. Мясa в суп добавь,

и побольше! Хохот, возня, азарт и суматоха. Громкие чипсы в кинотеатре и сосиски для бродячих собак, двойки по окружающему и подмигивание из-за маминого плеча. Ругань от души и примиряющие жмурки по всей квартире. Живчики — вообще, слово отличное. Очень плотное. Энергичное. Понятно безопасное.

Папа редко бывает дома, конечно.

Работа. Новый проект... Конкуренция...

Зато он обожает слушать Женькины истории: смеется взалхб, шутит неприлично по-взрослому, даже помнит имена ее друзей.

А главное, за папу можно не бояться — уж он-то никуда не исчезнет. Не уйдет в себя, не будет прятать от Женьки непонятные слезы, не замолчит неожиданно на полуслове. Короче, с ним вообще ничего страшного не произойдет. Так что можно не бормотать по ночам слова молитв-заклинаний, не прятать в бельевых корзинах сплетенные обереги, не холодеть до пота, представляя свою жизнь без...

Папа понятный. И он — здесь. А мама...

Женька смотрит в книгу. Теревит пальцами разорванную страницу. Злость на маму отступила, и наказание чтением уже кажется вполне справедливым: не надо было доводить человека.

Какие бы мотивы или мифические животные тобой ни двигали.

Возможно, есть в этих книжках и какая-то польза. По крайней мере, все об этом твердят. Порой тонкие мамыны пальцы гладят потертые обложки — как позолоченный рельеф иконостасов: дрожа и оберегая.

Так еще можно ласкать щеку ребенка.

Но Женька плохо понимает, почему надо прилипать глазами к белой странице с прыгающими вверх-вниз черными значками, когда вокруг вся эта жизнь. Такая быстрая, разная, настоящая.

Женя крадется по коридору, заглядывает на кухню.

Мама, прижавшаяся лбом к оконному стеклу, со спины кажется хрупкой девочкой-старшеклассницей: короткие волосы небрежно заправлены за уши, одежда — как обычно — велика. Женя смотрит на чашку, полную холодного